

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 5 мѣсяцевъ	8 франк.
» 3 мѣсяца	5 »
» 2 мѣсяца	3 »
» 1 мѣсяць	2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1-ое ДЕКАБРЯ 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Учащаяся молодежь и политическая агитация, М. Драгоманова. — 2) Сибирскія письма. Крестьянскія переселенія и надежды. I. — 3) Политика и экономія въ уѣздѣ югозападнаго края (корреспонденція «Вольнаго Слова»), II. — 4) Отъ редакціи. — 5) Сущность антисемитическаго движенія, III-та. — 6) Национализація земли. (Продолженіе). — 7) Литературно-политическіе отрывки: II. Бѣдненькіе самодержцы. III. Эпическій характеръ крестьянскихъ мечтаній. IV. Козацкія традиціи на Украинѣ. V. Страхи украинскаго сепаратизма, М. Драгоманова. — 8) Извѣстія и замѣтки: Литературныя вѣсти: Запрещеніе біографіи Шевченка. Малорусско-нѣмецкій словарь. — Австрійская культура въ Босніи. — Кахановская реформа. — Неутратившіе бюджета стихи 60-хъ годовъ. — 9) Вынужденное объясненіе. — 10) Объявленія.

ЖЕНЕВА, 1 декабря 1882.

Телеграммы о закрытіи казанскаго университета и объ арестѣ цѣлой сотни студентовъ петербургскаго университета заставляютъ насъ вновь обратить вниманіе читателей на предметъ, котораго мы касались недавно, а именно на вопросъ объ участіи молодежи въ политической агитациі.

«Студенческія волненія» или «беспорядки» являлись въ Россіи явленіемъ хроническимъ, которое тянется почти безъ перерыва съ самаго 1857 г. (съ такъ называемой «лужинской исторіи» въ Харьковѣ). Въ этихъ волненіяхъ можно различить два элемента, хотя и тѣсно связанные одинъ съ другимъ: частный, академическій, и общій, политическій. Извѣстныя явленія студенческихъ «беспорядковъ» обуславливаются тѣмъ, что самодержавно-монархическое правительство русское, вообще противное всякому общественному и коллегіальному началу, особенно терпитъ этого начала въ высшихъ школахъ, которыя между тѣмъ по существу своему требуютъ извѣстной степени свободы и коллегіальнаго самоуправленія, — и не дастъ должной доли автономіи даже преподавателямъ высшихъ школъ, а тѣмъ болѣе учащейся въ нихъ молодежи. Отсюда является у послѣдней неудовлетворенность, которая представляетъ естественное поле для всякой противуправительственной агитациі, не говоря уже о томъ, что ненормальныя условія положенія студентовъ вызываютъ цѣлый рядъ

столкновеній, которыя, по существующимъ въ Россіи правительственнымъ взглядамъ, представляются явленіями политическаго характера. Такъ какъ долгій опытъ послѣдняго царствованія показалъ, что т. назыв. въ Европѣ академической свободы (автономіи преподавателей, свободы преподаванія, права студентовъ на устройство корпорацій съ свободою науки и слова и въ нихъ) нельзя ожидать отъ самодержавно-бюрократическаго правительства, то отцамъ нашей учащейся молодежи ничего не остается, какъ или трепетать за участь своихъ дѣтей во все время пребыванія ихъ въ высшихъ школахъ, — или самимъ рѣшительно выступить противъ этого правительства. Такъ какъ Россійскіе «отцы» не обнаруживаютъ энергіи къ такому выступленію, то потому сила вещей, — своего рода духъ, правящій жизнью, народовъ — мститъ имъ въ дѣтяхъ ихъ.

То же самое надо сказать и по поводу уже прямо политическаго элемента въ студенческихъ волненіяхъ. Что учащаяся молодежь вся враждебна существующему въ Россіи политическому и общественному порядку вещей, это болѣе чѣмъ естественно, такъ какъ этотъ порядокъ противенъ всѣмъ тѣмъ идеямъ, которыя молодежь выноситъ изъ современной науки, хотя бы послѣдняя преподавалась самымъ искаженнымъ, въ угоду правительству, образомъ. Что молодежь, которая, принадлежа къ наиболѣе образованной части населенія, въ то же время есть и болѣе горячая часть этой послѣдней, энергичнѣе стремится проявить свою вражду къ существующему порядку вещей, — это тоже въ порядкѣ вещей. Мы вовсе не исповѣдуемъ культа молодежи, который, — по естественной, впрочемъ, реакціи оффиціознымъ и оффиціальнымъ Иродамъ, — довольно распространенъ въ извѣстной части русской печати. Наблюденіе надъ общественной жизнью и школой въ Россіи убѣдили насъ, что наши «дѣти» качественно вовсе не выше «отцовъ» и заключаютъ въ себѣ среднимъ числомъ тѣ же пороки и тѣ же добродѣтели, что и от-

цы, при чемъ высшее во многихъ случаяхъ образованіе «дѣтей» очень часто служитъ имъ только для оправданія разными софизмами многихъ пороковъ, ставшихъ, такъ сказать, конституционными пороками русскаго общества. Но тѣмъ не менѣе, на основаніи изложенныхъ выше соображеній, мы считаемъ безспорнымъ то положеніе, что по отношенію къ существующему политическо-общественному строю въ Россіи, учащаяся молодежь ея представляетъ передоваго, самаго горячаго выразителя того разлада, какой существуетъ между всѣмъ образованнымъ обществомъ и правительствомъ Россіи. И съ этой стороны къ Россійской молодежи болѣе, чѣмъ къ другой, съ полнымъ правомъ прилагаются слова знаменитаго ученаго и педагога, Н. И. Ппрогова, сказанныя въ его прощальной рѣчи къ кievскимъ студентамъ въ 1861 году: «кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различить и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству.»

Вполнѣ естественно, что наша молодежь рвется къ ниспроверженію гнетущаго Россію политико-общественнаго строя, преимущественно пополняя собою всякаго рода противуправительственные заговоры и пользуясь всякимъ, часто и неважнымъ, по существу своему, случаемъ къ протесту, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ академической жизни, превращая сами эти случаи въ явленія политическаго характера. Вполнѣ естественно, но въ то же время все-таки крайне печально, что учащаяся молодежь наша активно проявляетъ свою вражду къ правительству слѣшкомъ преждевременно, во время своего ученія и преимущественно въ болѣе ранніе его годы. Такимъ образомъ молодежь эта слѣшкомъ рано растрчиваетъ свои силы и гибнетъ въ слѣшкомъ неравной борьбѣ почти безъ всякихъ результатовъ для общества.

Въ настоящее время, послѣ опыта столькихъ лѣтъ, людямъ, сколько нибудь способнымъ къ холодному размышлению, трудно не прийти къ подобнымъ заключеніямъ. Возьмемъ хоть послѣднее десятилѣтіе. Трудно найти въ исторіи русскаго общества явленіе болѣе благородное, чѣмъ массовое движеніе учащейся молодежи «въ народъ» въ 1874—75 гг.,—и что же въ сущности дало оно? какіе положительныя результаты, которые хоть сколько нибудь были бы равносильны тому количеству жертвъ, какихъ стоило это движеніе? Если бы это слово имѣло болѣе реального смысла, — мы бы сказали, что великій грѣхъ взяли на свою совѣсть тѣ пожилые люди, которые въ то время, вмѣсто того, чтобъ сдерживать молодежь отъ преждевременной акціи, на которую молодежь пошла безъ связей съ жизнью, безъ знаній не только практическихъ, но даже съ неоконченнымъ теоретическимъ образованіемъ, безъ должныхъ средствъ для нападенія на врага и для самозащиты, торопили эту молодежь. Этотъ преждевременный во всѣхъ отношеніяхъ «крестовый походъ дѣтей» стоить образованному обществу въ Россіи по крайней мѣрѣ 4—5000 преждевременно испорченныхъ жизней, которыя очень бы пригодились теперь, когда вся совокупность внутреннихъ и вѣшнихъ отношеній Россіи поставила ребромъ вопросъ о ея политической реформѣ и когда для вѣской постановки этого вопроса у образованнаго общества оказывается все-таки слишкомъ мало наличныхъ силъ. Если происходящее въ послѣдніе годы въ Россіи дѣтубійство продолжится еще, то страшенъ этой угрожаетъ рѣшительный маразмъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Вотъ почему насущнымъ интересомъ противуправительственнаго движенія въ Россіи является въ настоящее время удержаніе учащейся молодежи отъ практической политической агитаціи и отъ растраты силъ на студенческія волненія изъ за домашнихъ поводовъ, которые даетъ жизнь нашихъ учебныхъ заведеній, хотя бы въ этихъ поводахъ вся правда была на сторонѣ «протестующихъ» студентовъ, — такъ какъ эти волненія даютъ только нашимъ Иродамъ предлогъ къ массовому дѣтубійству. Послѣ всего случившагося въ послѣдніе годы только крайне близорукіе люди да агентыпровокаторы могутъ вѣсти пѣсни агитаторовъ 60-хъ—70-хъ годовъ о «революціонной молодежи». Но не надо забывать, что въ дѣлахъ общественной жизни пожеланія и даже увѣщанія значатъ очень мало. Молодежь фатально увлекается и къ академическимъ волненіямъ, и къ преждевременной политической акціи. Воздержаться она можетъ всего рѣшительнѣе конкуренціей ей на этомъ полѣ со стороны «отцовъ».

Примѣръ западно-европейскихъ обществъ служить самымъ лучшимъ подтвержденіемъ сказанному: чѣмъ болѣе здѣсь активны на политическомъ полѣ зрѣлые элементы населенія, тѣмъ позже вступаютъ на это поле молодежь, тѣмъ болѣе остается у нея времени для собиранія силъ къ выступленію въ активную жизнь. Время же филистерской пассивности, напр., нѣмецкаго общества передъ самодержавной бюрократіей въ 1815—1830 гг. было и въ Германіи временемъ студенческихъ конспирацій и даже политическихъ аттентатовъ, въ родѣ убійства Коцебу Зандомъ.

Та гибель молодыхъ силъ Россіи въ 70-е годы, о которой мы сказали выше, то во многихъ отношеніяхъ вредное тогдашнее куреніе фиміама передъ «честною, революціонною русскою молодежью» *) объясняется и въ значительной степени оправдывается тою апатіей, какой допустили овладѣть собою даже лучшія зрѣлыя личности изъ такъ называемаго «общества» во второй половинѣ 60-хъ годовъ, и за тѣмъ отрицательное, часто рѣзко враждебное отношеніе не только къ способамъ дѣйствія, но и къ самой сущности политическихъ и социальныхъ стремленій молодежи 70-хъ годовъ, иногда даже со стороны тѣхъ самыхъ лицъ, которыя сами раздѣляли эти стремленія въ началѣ 60-хъ годовъ.

Теперь опытъ столькихъ лѣтъ долженъ бы убѣдить всѣхъ честныхъ и образованныхъ людей въ Россіи, во первыхъ, въ томъ, что на правительство нельзя возлагать никакихъ надеждъ по части удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ страны—и что, поэтомъ, нужно со стороны общества рѣшительное выступленіе противъ этого правительства, а во вторыхъ, что никакими ворчаніями и увѣщаніями не остановить порывовъ молодежи къ самымъ рискованнымъ дѣйствіямъ противъ этого правительства, — и въ третьихъ, что безъ перемѣны политической системы рѣшительно невозможно сколько нибудь спокойное и безопасное пребываніе молодежи въ учебныхъ заведеніяхъ. Послѣ всѣхъ этихъ поученій исторіи послѣднихъ десятилѣтій, люди, сколько нибудь развитые политически и вмѣстѣ

*) Вопросъ объ этомъ фиміамѣ самъ по себѣ требовалъ бы отдѣльнаго разсужденія, для котораго мы теперь не имѣемъ времени. Для того, чтобъ хоть сколько нибудь пояснить наши слова, мы прибавимъ къ сказанному нѣсколько строкъ выше, что фиміамъ этотъ курился въ обществѣ, въ которомъ предыдущая исторія (политическое рабство, крѣпостничество, семейное самодурство, невѣжество) тщательно культивировала противугуманные и противосоциальные инстинкты грубаго эгоизма. Можно себѣ представить тотъ вредъ, какой долженъ былъ получиться отъ усвоенія извѣстной частию такого общества, — все таки плоть отъ плоти его и кость отъ кости его, — убѣжденія, что она составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ «соль земли», вполне уже отложившуюся, не нуждающуюся въ совершенствованіи.

съ тѣмъ отцы и братья учащихъ молодыхъ людей, должны бы были прийти къ мысли о необходимости самимъ выступить на сцену политической акціи, первымъ шагомъ которой должно бы быть повсемѣстное образованіе правильныхъ обществъ съ цѣлью политическаго преобразованія Россіи. Эти общества должны, конечно, не сливаться съ молодежью (послѣднее вообще не цѣлесообразно, а теперь еще повело бы только къ облегченію задачъ государственной полиціи), находится однако въ сношеніяхъ съ этой молодежью, знакомя ее съ своими политико-соціальными программами, вліять на нее нравственно, указывая ей наиболѣе насущныя для даннаго времени общественныя задачи и доказывая ей фактомъ своего существованія и дѣятельности отечественіе для нея необходимости торопиться съ выходомъ на активную борьбу, а затѣмъ облегчать этой молодежи, по мѣрѣ приготовленія ея представителей къ дѣятельной жизни, первые шаги въ этой жизни.

М. Драгомановъ.

СИБИРСКІЯ ПИСЬМА.

Крестьянскія переселенія и надежды.

I

Эпохи, предшествующія общественнымъ кризисамъ и великимъ социальнымъ переворотамъ, всегда знаменуются цѣлымъ рядомъ явленій божественнаго движенія, возникновеніемъ новыхъ религіозныхъ сектъ, повальной эмиграціей изъ старыхъ густо заселенныхъ странъ въ новыя, неизвѣстныя территоріи. Всѣ эти явленія безпристрастный наблюдатель замѣчаетъ въ настоящее время въ Россіи. Изъ нихъ я жезъ обратить вниманіе читателей на одно, по второму мы удалось сдѣлать сравнительно довольно обширныя наблюденія. Это — массовыя переселенія крестьянъ изъ старыхъ, населенныхъ мѣстъ, гдѣ подъ каутомъ самодура-попѣвщика всякій клочекъ земли унитался кровныхъ отцовъ и дѣдовъ, въ далекіе зауральскіе края необъятной Россійской Имперіи.

Вотъ уже много лѣтъ, ежегодно съ весны до осени тинутся цѣлыя тысячи русскихъ крестьянъ съ семействами, обыкновенно съ кучей маленькихъ ребятишекъ и грудныхъ дѣтей на плечахъ «новыхъ земель», какъ они выражаются. Но съ лѣта 1880 года движеніе это приняло такіе крупныя размѣры, что обратило вниманіе даже русскаго правительства, къ которому еще скорѣе, чѣмъ къ русскому мужику относится русская пословица: «громъ не границъ мужику не перекрестится». Учреждена была коммисія по переселенческому вопросу, которая однако-же къ особенно путнымъ результатамъ не пришла. А русскій крестьянинъ, не взирая ни на какія коммисіи, продолжаетъ себѣ валить на понски такихъ мѣстъ, гдѣ до было бы только хлѣба набѣться, какъ говорили мы одинъ переселенецъ *). И такъ онъ

*) Въ одной петербургской газетѣ была приведена характеристическая фраза: «пшеница жита, гдѣ земля побольше, а начальства поменьше».

(Ред.)